

НИЧЕГО странного не было в том, что Никита Владимирович Подгорный с детских лет хотел быть актером — он рос в театральной семье, в театральной среде. Правда, до поры до времени никто из домашних не знал о его желании. Он открыл его не отцу, не матери, работавшим в Малом театре, не дяде, работавшему во МХАТе, а бабушке. Она тоже была прежде актрисой, играла у Комиссаржевской и у Таирова. Перед бабушкой почему-то легче было разыгрывать придуманные сценки. Это стало их маленькой тайной.

Он хотел быть не просто актером, но актером Малого театра. И стал им.

Малый театр всегда был известен как театр мастеров, умеющих ценить преданность делу, упорный повседневный труд и вдохновение. И у Подгорного всегда высок уровень рядового спектакля, а вокруг его героев атмосфера накалена — такой интенсивной, насыщенной жизнью живут его персонажи, проходя мучительный и радостный путь самопознания, путь к высокой простоте истины.

Н. Подгорный начинал в то время — в 1945 году, когда вспыхнул особый интерес к личности молодого человека, и был в ряду первых актеров, воплотивших образ юноши с чуткой мыслью и обостренным восприятием действительности. Такими были его Угис из пьесы Г. Приеде «Лето младшего брата», Николай из «Карточного домика» О. Стукалова и многие другие. Можно сказать, что в этих его образах была проекция на будущее: многое, на чем настаивал тогда актер, раскрывая духовную и социальную жизнь советского человека, исследуется сегодня и в искусстве, и в науке. Образы его молодых людей не показались бы нам сегодня прошлогодними.

Сама природа его дарования такова, что он способен делать зримым неосознаемую сложность внутреннего мира человека. В любой роли он умеет выявить нужное именно сегодняшнему дню. Достаточно вспомнить его Альберта из телевизионного спектакля «Подпасок с огурцом» в цикле «Дело ведут знатоки», где сквозь самоуверенность ловкача просвечивает смутная тревога от того, что так легко идет ему по чуждой дорожке мошенничества; или Леонида из последнего спектакля Малого театра «Ретро», пораженного внезапной догадкой, что добро можно делать бескорыстно. Однако Подгорный никогда не поддается дешевой моде. Всегда, как и полагается актеру Малого театра, он умеет быть современным по существу, из глубины, в понимании процессов жизни.

Это обнаружилось с самых первых, еще совсем маленьких ролей. Не случайно буквально в двухсловной роли спектакля «Северные зори» его приветствовал Игорь Владимирович Ильинский, сказав о молодом актере: «Юноша, но уже художник». И в этом не было преувеличения, потому что в первое же свое профессиональное пятилетие Н. Подгорный с блеском исполнил сложнейшую роль Гани Иволгина в фильме И. Пырьева «Идиот».

В начале пути актеру посчастливилось сыграть много сходных характеров. В слове «посчастливилось» нет оговорок, хотя принято считать, что для молодого актера это опасно: неокрепшее мастерство невольно цепляется за удачно найденные приемы и штампы их. С Подгорным этого не случилось — ни внешне, ни внутренне он не повторился.

Тема высокой нравственнос-

люди искусства

ЗАГАДОЧНЫЙ МИР ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЯ

Людмила БУЛГАК

ти, требовательности к себе и достоинства, охватывающая по сути дела все этапы человеческой жизни, стала для Подгорного главной на многие годы. В каждой роли он находил ее новый поворот, новые оттенки. А приверженность художника к одной теме — свидетельство глубины ее понимания и богатства средств выразительности. Результатом этого образного исследования человеческой натуры было утверждение, что самое важное, без чего жизнь не может стать полноценной, — это гордое достоинство человека. Потеря себя причиняет человеку острое страдание, а общество утрачивает в его лице самое ценное — неповторимость. Блестящим доказательством этой мысли был его Лебедянский в фильме «Два билета на дневной сеанс».

Каждый из героев Подгорного видит стремление к гармонии внутреннего мира по-своему. Одни, как Безайс в спектакле «По ту сторону», Джон Рид в одноименной постановке или Чацкий — в борьбе; другие — в красоте, как Освальд в «Привидениях»; третьи — в преданности своему делу, как Рамиз из пьесы «Человек бросает якорь», О'Креди в «Дипломате»; четвертые — в любви к женщине, как Круциферский из телевизионного спектакля «Кто виноват?» А. Герцена, или Родине, как Первый офицер из «Оптимистической трагедии» и Репнин из «Признания» С. Дангулова. И все — в стремлении понять жизнь и свой вклад в нее. В реальности этой гармонии большинство героев Подгорного не сомневаются.

Н. Подгорный — актер, остро чувствующий нерв духовной драмы человека. Но не

менее интересно смотреть и его комедийные роли. Можно напомнить хотя бы ту сцену из спектакля «Волки и овцы», где Мурзаевский — Подгорный решил занять деньги у Купавиной. По той значительности, с какой он приступает к делу, кажется, что попросит сейчас по крайней мере миллион, но вдруг соглашается взять пять целковых, принимая их, впрочем, с некоторым достоинством и даже со снисходительностью.

Умеет Подгорный по-своему, по-новому сыграть и классическую роль. Неожиданно, например, недоумение его Репетилова, который посреди своего восторженного монолога о друзьях, вдруг осознает, что все чего-то добились, и только он один — пустое место.

Напряженность мысли и чувства, накаленность атмосферы — стихия Подгорного. Тогда он становится по-особому артистичен и чеканен во всех мелочах существования образа.

Чувством актер познает характер своего героя столько же, сколько и мыслью, а пластическое ощущение человека дает ему возможность осязаемый, фактурный мир своих героев сделать ярким и выразительным. Каждый персонаж словно отлит в присущее ему своеобразие, ограничен уверенной мыслью и искусной рукой. Всегда в нужном тембре льется немая музыка его движений. В любом жанре для точной мысли он находит точную форму. Вы никогда не увидите у него нагромождения деталей, которые Балзак считал признаком бессилия художника.

Подгорный умеет сосредоточить выражение сути героя на его лице. Если сравнить фотографии актера в разных

ролях, то можно увидеть, что при каком-то общем сходстве это совершенно разные люди — они смотрят на нас разными глазами.

Как в природе из одних и тех же элементов составляются противоположные по качествам и свойствам вещества, так и актер из одного и того же материала — из себя самого — каждый раз «строит» нового человека. Сказать, что происходит в актере в этот миг перевоплощения, в какой клеточке что переключается, невозможно. Никакой актер никогда не может быть разгадан до конца. И пока наука не открыла нам эту, одну из интереснейших загадок психологии — природу актерского творчества, — будем просто слушать музыку искусства, будем удивляться тому, как актер только что был будничен, обыден, даже угловат и неловок, а едва сделал шаг из кулисы на сцену — стал возвышен, одухотворен, прекрасен.

При всей достоверности образов Подгорного — а их у него более ста — не скажешь, что это сама жизнь со всей ее неподдельностью, ибо то, что показывает актер, — это концентрация жизни, это именно создание искусства, театральность в высоком ее смысле. Его исполнение отличается возвышенностью и благородством стиля, душевной патетикой, что идет, конечно, и от самой актерской сущности актера, и от традиций Малого театра. Эти традиции вообще очень сильны в его творчестве. Они чувствуются и в по-ермольски страстной защите своих героев, и в глубине обобщения, и в стремлении к драматургии больших мыслей. «Он из этого дома», — так определила Елена Николаевна Гоголева особенность манеры Подгорного.

Точность мысли, отбор деталей — все это с помощью режиссера могут усилить многие. Но оживить это, сделать заразительным, вдохнуть трепетность искусства — для этого, как говорили в старину, надо «нутро». Актер может говорить о своей профессии множество красивых слов, но вот он выходит на сцену, и от него веет скукой. Подгорный выходит на сцену, и вы в этом простом акте чувствуете особую праздничность. И можете верить, что этой минуты актер ждал весь день и теперь счастлив ею.

Недавно ему исполнилось пятьдесят лет. Кажется, с тех пор, как Подгорный осознал себя, он осознал себя актером. Как-то я дала ему заполнить анкету о привязанностях, склонностях и вкусах. Отделяясь шутками на многие вопросы, слышcoming серьезные или дотошные, Никита Владимирович в пунктах «призвание», «досуг», «увлечение», «слабость», «игра», «девиз», «фетиш», «самая большая радость», «смысл жизни» и даже «для чего живет человек» — отвечал одним словом: «театр», «театр», «театр». И в этом он тоже актер Малого театра. Для Ермоловой, по определению Юкина, театр был «алтарь и очаг». Ленский признавался: «Театр забирает половину жизни и всю мою душу».

Театр для народного артиста РСФСР Никиты Владимировича Подгорного — его личная и его общественная жизнь. Что бы он ни делал, с кем бы он ни сталкивался, он везде ищет черты той неповторимости человека, которые и его роли делают неповторимыми. А именно своими ролями участвует он в процессе совершенствования человека.

Народный артист РСФСР
Никита Подгорный.

Фото А. Конькова.